

Танго алого мотылька. Том 3

Автор:

[Морвейн Ветер](#)

Танго алого мотылька. Том 3

Морвейн Ветер

Танго алого мотылька #3

Кирстин – студентка Эдинбургского колледжа, будущий скульптор. Её жизнь течёт размеренно и монотонно, пока однажды на рождественской распродаже Кирстин не встречает таинственного брюнета на чёрном Ягуаре. Однако волшебной сказке суждено превратиться в кошмар, когда Кирстин узнает, чем её избранник зарабатывает себе на жизнь.

Морвейн Ветер

Танго алого мотылька. Том 3

Глава 1. Осень

Рей видел во сне нежные руки Кирстин, скользившие по его груди, бокам, животу. Мягкие губы, запечатлевавшие поцелуи на плечах и постепенно спускавшиеся вниз. Больше всего он хотел, проснувшись, обнаружить, что это реальность проникла в сон и дразнит его, но чем ближе становилась явь, тем отчётливее приходило осознание того, что касания Кирстин – просто сон. И тем больше хотелось остаться в этом сне.

– Кристи... – прошептал Рей. Он открыл глаза и замер, глядя в серебристый потолок, испещрённый небольшими светильниками, у себя над головой. Реальность затопила сознание, и стало трудно дышать. Рука сама шарила по кровати в тщетной попытке отыскать ту, кого давно уже не было рядом. Другая сжалась в кулак. Рей зажмурился, прогоняя резь в глазах.

– Чёрт, чёрт, чёрт... – пробормотал он.

Поднялся и, не глядя нашарив халат, накинул его на плечи. В душ идти не хотелось. Вот уже вторую неделю он позволял себе игнорировать правила гигиены, и вопрос, поставленный Кирстин, казалось бы, совсем недавно – не хочет ли он удалить шрам – отошёл далеко на задний план. Впервые в жизни Рею было абсолютно всё равно. Он перестал подравнивать щетину, позволив лицу зарастать бородой. Всё, что раньше доставляло ему радость, теперь утратило вкус.

– Чёрт, чёрт, чёрт... – пробормотал он, снова пробираясь на ощупь к двери, чтобы попасть на кухню. Кирстин уехала, и Рей с тоской думал о том, что ему предстоит завтракать в тишине.

Еда в последнее время тоже не доставляла радости. Прислуги в этой квартире не было, одна только Жанет, которую Рей звать не хотел – та напоминала ему слишком многое из того, что причиняло боль. Рей включил чайник и, не дожидаясь, пока тот закипит, сыпанул в большую кружку ложку белкового коктейля – ничего больше он делать не хотел. В последние дни Рей перестал пить даже свой обычный сок – вкуса он не чувствовал всё равно.

Рей залил порошок кипятком, упал на стул у окна и, закрыв глаза, принялся мелкими глотками заливать в себя безвкусную дрянь. Взял со стола брошенные накануне часы и, глянув на них, равнодушно подумал, что впереди бессмысленная беготня по беговым дорожкам. Потом ещё добрых шесть часов копания в документах. Чтобы потом... что?

«Ничего», – ответил он сам себе.

Сразу же после того, как он застал Кирстин со списками покупателей, раньше, чем звеневшее вслед «Я не знаю, кто ты, Рей» утихло за спиной, Рей бросился на поиски Майкла, но квартира того была пуста.

Если в первые секунды, выбираясь из дома и заводя мотор, он был уверен, что свернет проклятому ублюдку шею, то, оказавшись в его доме – таком же безжизненном, каким теперь должен был стать и его собственный – Рей почувствовал себя брошенным. Майкл ничего не стал объяснять. Естественно, он не сказал, куда улетел. Скайп тоже не отвечал, и никто из персонала не знал ничего о нём.

«Охренеть», – думал Рей, уже совсем в другом настрое возвращаясь домой. «Он сделал меня», – крутилось в голове. Иногда ещё мелькало: «За что?» – но Рею слишком легко удавалось ответить себе на этот вопрос, чтобы он задерживался на нём дольше двух секунд.

С Кирстин разговора тоже не вышло – чего и следовало ожидать. Рей хотел дать ей немного времени, чтобы та пришла в себя, но дни тянулись за днями, а Кирстин оставалась от него так же бесконечно далеко. Она все дни проводила у себя в студии, и поначалу Рей не пытался туда входить. Ждал. Кирстин всегда остывала на третий или четвёртый день.

В этот раз не остыла, и Рею пришлось прийти к ней самому.

Он постучался, но, не получив ответа, осторожно приоткрыл дверь.

Пол в мастерской был усыпан осколками глины, которые захрустели под ногами, как только Рей вошёл в просторный, залитый солнечным светом, зал.

Среди других обломков Рей увидел кусочек собственной руки, и его пробрала дрожь от странного понимания, что это он расколот на части. Что Кирстин сделает его ещё раз – и ещё раз разобьёт, если не сможет добраться до живого. А сделать этого она пока ещё не могла. Пока – потому что стоило восстановиться хрупкой иллюзии доверия, разбившейся на части как глиняный торс, и Кирстин получила бы над ним полную власть. Убить, расколоть, предать. Рей позволил бы ей всё. Как и несколько дней назад, как и месяц назад, как и весь этот год – Рей без неё не мог.

Саму Кирстин Рей разглядел не сразу. Та сидела на полу среди деревянных постаментов, покрытых чёрным лаком, широко расставив ноги, сцепив руки в

замок и глядя перед собой. Глаза её казались пустыми и незрячими, и сама она была бледной, как будто лицо её выточили из белой глины.

– Напрасно, – сказал Рей, поднимая с пола кусок самого себя, – скульптура была очень хороша, ты могла бы выручить за неё миллион-другой, даже если не хотела видеть рядом с собой натурщика.

– Это не та, – голос Кирстин в тишине студии казался стеклянным и неживым. Она легко кивнула в сторону – на постамент, всё ещё укрытый полотном.

Рей подошёл к нему и с облегчением вздохнул – вторая серьёзная работа Кирстин всё ещё была цела. По сравнению с прошлым разом, когда Рей видел её, она стала даже немного более живой.

Он снова опустил взгляд на пол и подтолкнул носком туфли разбитый нос. Его снова посетило неприятное чувство, как будто на полу валяется его собственный труп.

– Тогда это...

– Это другой ты, – пояснила Кирстин, упруго поднимаясь на ноги. Глаза её наконец обрели выражение – в них отразилась холодная злость. — Я бы вылепил тебя в образе Двуликого Януса – но ты превзошел его, у тебя три лица. Хотя постой, есть проблема – я видела только одно. Впрочем, маска чужого тебе пойдёт. И кто там был ещё... кажется, Эйнштейн? Нет, старина Берти для тебя слишком хорош.

– Ты злишься, – после долгой паузы констатировал Рей.

– Ну что ты, моё сердце полно любовью, прощением и теплом.

Кирстин остановилась в нескольких шагах от него. Рей видел, как под тонкой тканью безрукавки, в которой Кирстин лепила, когда было прохладно, напрягся каждый мускул. Как пальцы сжались в кулаки. Казалось, ещё мгновение – и та бросится на него.

– Кристи, – мягко сказал Рей, – нам нужно обсудить всё, что произошло.

Кирстин в деланном удивлении распахнула глаза.

– В смысле... Ты решил что-то мне рассказать? Теперь? Не поздноато, Рей?

– Поздноато, – согласился Рей. На мгновение он стиснул зубы, набираясь сил, чтобы продолжить. – Но мне было страшно, Кирстин. Я боялся тебя потерять.

– Когда именно? – Кирстин склонила голову вбок. – Когда снимал на камеру, как я раздвигаю перед тобой ноги? Или когда я рвалась тебе отсосать, а ты отталкивал меня и смеялся? Любопытно, о чём ты думал при этом? О том, что шлюха удалась на славу, да? И я тебя не разочаровала. Стоило выпустить меня из клетки, как я снова раздвинула ножки и облизала тебя с ног до головы. Это был тест, Рей? Какой ещё чёртов эксперимент ты надо мной ставил? В чём суть урока, который ты мне преподавал? В том, что я грязная дрянь?

Рей молчал. Ничего лучше, чем подойти к Кирстин и обнять её, он придумать не мог, но поза последней отчётливо говорила, что та не позволит к себе прикоснуться.

– Я тебя люблю, – только и произнёс Рей.

Губы Кирстин дёрнулись в отвращении.

– Ты не человек, – сказала она, – ты не можешь любить.

Это самое «Ты не человек» звенело у Рея в ушах каждый вечер, когда он засыпал.

«Может быть, и так, – думал он. – Может быть, я не человек. Но я всё равно люблю тебя – и только тебя. Никого никогда не любил, но тебя – люблю».

А тогда он молча ушёл, проклиная собственную трусость. Остаток дня прятался в кабинете, прикрываясь работой, всем своим существом ощущая присутствие Кирстин этажом ниже и не в силах думать ни о ком, кроме неё.

«Я тебя люблю», – крутилось в голове, но ничего не могло изменить.

Вечером Кирстин пришла к нему сама. За окнами уже смеркалось. Над городом собирались тучи, и потихоньку начинался дождь. Осень давала о себе знать холодным ветром и промозглой погодой, мелкими капельками, сбегавшими по стеклу, и ручейками, разливавшимися по подоконнику.

Кирстин была одета в чёрное строгое платье, не из тех, что Рей особенно любил, предназначенное скорее для того, чтобы подчеркнуть отчуждение, поселившееся между ними, чем для того, чтобы его порадовать.

– Распорядиться принести чаю? – спросил Рей, чтобы разрушить повисшую в комнате тишину.

– Бренди ты мне не нальёшь?

– Почему, налью.

Рей встал из-за стола, подошёл к книжному шкафу со спрятанным между полок барным отделением и, достав оттуда бутылку бурой жидкости и два низких стакана, разлил напиток.

Взял оба в руки и поднёс один из них Кирстин. Та стояла у окна, глядя сквозь стекло на дождь. Рей остановился у неё за плечом и сделал глоток.

– Если хочешь, будем пить всю ночь. Говорят, истина на дне бокала – может быть, просветление догонит и нас. И ты сможешь меня понять.

– Я смогу тебя понять, – повторила Кирстин – в её голосе не промелькнуло и тени чувств, – а ты кого-нибудь понимал в своей жизни, Рей? Ты когда-нибудь пытался представить, что чувствует человек рядом с тобой?

Рей молчал. Он чувствовал, что разговор идёт совсем не туда, куда бы он хотел, и подозревал, что что бы он сейчас ни сказал, злость Кирстин станет только сильнее.

– Я никого не стал бы так долго ждать, – позволив той выговориться, произнёс он наконец. – Я ни у кого не стал бы просить прощения, Кирстин. Я ни о ком, кроме тебя, не думал бы каждое утро, каждый день, каждый вечер и ночь.

– Правда? Даже о своём самолёте ты не думал так много? – спросила Кирстин, разворачиваясь к нему лицом.

Рей дёрнулся, будто его ударили по щеке, и отступил назад.

Стиснул зубы и какое-то время смотрел на неё молча.

– Ты так ставишь вопрос... А если бы тебя заставили выбирать между твоей лепкой и мной?

– Я сделала выбор, Рей. Я не стала возвращаться в Эдинбург.

Рей скрипнул зубами, с неудовольствием отмечая, что Кирстин сегодня в ударе – и спорить с ней бесполезно.

Та тоже замолкла, чувствуя, что ещё слово – и её понесёт. На самом деле Кирстин не видела смысла говорить ни о чём. Она давно поняла, что говорить с теми, кто её похитил, смысла нет.

Она осушила стакан и прошла к шкафу, чтобы наполнить его ещё раз. Рей приник плечом к окну, издали наблюдая за ней. Потом отвернулся и стал смотреть на дождь.

– Ты не отпустишь меня? – спросила Кирстин, так же останавливаясь у Рея за плечом.

Рей качнул головой.

– Это исключено.

«Ты разрушил мою жизнь, Рей», – хотела сказать Кирстин, но промолчала.

– Ты помнишь, что произошло несколько дней назад? – Рей повернулся к ней. – Эти итальянцы будут охотиться за тобой. И чёрт его знает, кто ещё. Я не вынесу, Кирстин, если ты попадёшь к кому-то другому. Я не вынесу, если с тобой что-то произойдёт.

Кирстин молчала, равнодушно и устало глядя на него.

– Я никогда больше не буду просто собой, – глухо сказала она.

Рей не стал с ней спорить. Он тоже устал и в эти мгновения вообще ничего не хотел.

– Давай спать, Кирстин. Не обязательно со мной, – торопливо добавил он, когда бровь Кирстин насмешливо приподнялась, – я уверен, что со временем всё пройдёт.

Кирстин закрыла глаза. Эта уверенность больше всего её пугала – она боялась, что Рей прав. Но спорить тоже не хотела – что бы она сейчас ни говорила, слова причиняли лишь новую боль.

– Спокойной ночи, – сказала она.

– Спокойной ночи, – подтвердил Рей.

– Рей, – окликнула его Кирстин уже на полпути к двери, и тот, отвернувшись было к окну, посмотрел на неё, – наши договорённости в силе? Могу я продолжить занятия с маэстро Грива?

– Да, конечно, – Рей с трудом преодолел порыв броситься к ней, обнять и начать шептать, что ничего не изменилось, в этом доме она всё так же любима и всё так же ему дорога, – моя охрана будет тебя сопровождать.

Кирстин кивнула.

– Благодарю.

Она вышла за дверь, и Рей остался один.

Следующим утром Рей уже с трудом заставил себя встать. Сорвав занятия по фитнесу, он кое-как добрался до кабинета и, вызвав к себе Йонаса,

распорядился продолжить расследование, которое начал Майкл. Он так же вкратце описал ему состояние дел.

– Мы с Кирстин немного повздорили, – сказал он, – так вышло, что она узнала о моей работе больше, чем я хотел бы ей рассказать. Боюсь, она может что-нибудь выкинуть.

– Пойти в полицию, ты имеешь в виду?

– Может быть. А может быть – сбежать.

– Хорошо, – Йонас кивнул, – я прослежу, чтобы ничего не произошло.

Йонас помешкал, и Рей расшифровал это молчание без слов.

– Её статус остаётся прежним, – сказал он, – Кирстин – моя девушка, но не пленница. Прежде всего нужно охранять её от воздействий извне, а не наоборот.

Йонас кивнул.

– Хорошо. Мы будем бережно к ней относиться.

Распрощавшись с Йонасом, Рей снова остался один и долго сидел, вслушиваясь в тишину. В сердце его зияла огромная дыра, и она разрасталась всё сильнее день ото дня. А Рей даже не мог вспомнить до конца, что раньше в ней находилось.

В конце недели Кирстин обратилась к нему через Йонаса – спросила разрешения на несколько дней поехать в Неаполь, посмотреть галерею, с которой ей советовал познакомиться Марко Грава.

– Хорошо, – сказал Рей, – но в следующий раз, если ей потребуется уехать – пусть спросит меня сама. Иначе я могу и не отпустить.

Какова была реакция Кирстин на его слова – Рей так и не узнал. Но наутро проснулся в квартире уже один.

Глава 2. Ненастье

25 сентября

Единственным местом, куда теперь выходила Кирстин, стали занятия с Марко Грава. Рей не запрещал ей каких-либо иных прогулок, просто Кирстин не знала, куда ещё можно пойти. Все красоты европейских городов, не виденные ею до сих пор, теперь казались просто скоплениями почерневших камней. К галереям и выставкам она тоже потеряла интерес, хотя и продолжала лепить. Лепка осталась последним, что вызывало у Кирстин интерес.

В отличие от Бастьена, Марко не мучил её эскизами, а сразу предложил испробовать новую технику в работе с камнем. Занятия проходили в общей студии, так что Кирстин не чувствовала на себе пристального внимания мастера, хотя обратной стороной подобной практики стало то, что и брать работу на дом она не могла. То и дело Кирстин задерживалась допоздна, вытачивая очередную деталь. Заканчивать едва начатое изображение Рея она не хотела, и потому занималась всякой мелкой ерундой: слепила и перенесла в камень ветку кипариса, которая нависала над окном, а затем выточила целый каменный цветок. По иронии судьбы именно теперь, когда Кирстин получила полную свободу в творчестве, у неё не было никаких идей относительно того, что она могла бы сотворить. Впрочем, в глубине души Кирстин и сама понимала, что к большим проектам пока не готова.

В первые моменты не поверившая в то, что запечатлела плёнка, уже через некоторое время Кирстин обнаружила себя выжженной и пустой. И в этих выжженных равнинах её души продолжала клочкотать злость. Долгие месяцы не находившая достойного объекта, рыскавшая в обрывках памяти в тщетных попытках собрать воедино то, что произошло, теперь она наконец обрела цель. И этой целью стал Рей.

Мотивы его оставались Кирстин непонятны – и в то же время были абсолютно ясны. В человеке, который стал центром её мироздания в последний год, человеческого не было ничего.

Рей был чудовищем. Таким, каких показывают в кино. И Кирстин понимала теперь, что в глубине души с самого начала знала, что Рей ни во что не ставит людей. Тот факт, что с самой Кирстин он вёл себя иначе, причиняло лишь более сильную боль.

Начав работать с камнем, Кирстин одним из первых своих эскизов выбрала змею – ей беспрестанно казалось, что эта кобра шипит в её душе, зазывая назад, в мощные кольца своего ядовитого тела.

Второй работой стал цветок. Прекрасная, как бабочка, орхидея, с острыми кинжалами пестиков и тычинок. Белый мотылёк сидел на её лепестке, и Кирстин с трудом справлялась с желанием ударить долотом по этому глупому существу, которое должно было стать пищей для равнодушного хищника, едва успокоится и сложит крылья.

«Ненавижу тебя», – шептала она про себя. Но ни слова, ни мысли ничего не могли поменять. Рей уничтожил её – такую, какой Кирстин была раньше. Чтобы вылепить заново – свою. Такую, какую хотел он сам.

По дороге от квартиры Реймонда в Милане, расположившейся на Порта Тичинезе, в квартал Брера, где находилась студия Гравы, Кирстин всегда просила остановить машину перед входом в небольшую тисовую аллею, деревья которой оставались зелёными даже зимой.

Мерседес отправлялся к другому окончанию парка, а Кирстин медленно и неторопливо проходила аллею насквозь, иногда замедляя ход, чтобы присесть на одну из скамеек – часто мокрых, потому что весь сентябрь едва ли не каждый день шёл мелкий промозглый дождь. Кирстин было всё равно. Она не хотела возвращаться домой. Дождь, даже самый сильный, был бы лучше четырёх стен, окруживших её со всех сторон, за одной из которых, к тому же, обитал Рей.

«Ненавижу тебя», – снова и снова шептала она, сидя на мокрой поверхности, расчерченной мелкими настырными каплями и разбегавшимися от них ручейками воды, глядя на небольшое озеро прямо перед собой.

– С вами всё хорошо, мисс Кейр? – услышала она голос, прозвучавший за спиной в один из таких дней. Кирстин вздрогнула и обернулась на звук.

По другую сторону скамейки стоял мужчина в чёрном костюме, который Кирстин давно привыкла воспринимать не как атрибут стиля, а как униформу прислуги. Такой же высокий, как и все охранники, сопровождавшие её день за днём, этот был менее широкоплеч. Светлые волосы, обрамлявшие совсем ещё молодое лицо, придавали ему обманчивое ощущение мягкости, которому Кирстин не верила ни на грош. Все они были светловолосы – те, кого, набирал Йонас, но Кирстин не сомневалась, что в случае необходимости рука их будет тверда, как сталь.

– Да... – равнодушно сказала она, снова отворачиваясь к озеру. Его кристальная гладь казалась такой же холодной и равнодушной, как и всё кругом. Не было видно даже голубей, которые в любом парке заполняли дорожки, скрашивая досуг гуляющих людей. Не было детей и стариков, которые остались дома, пережидая дождь. Только пара таких же отчаявшихся, как она сама, где-то вдалеке. Каждый старался держаться подальше от других, поглощённый собственной тоской.

Охранник переместился ближе к ней и снял солнечные очки – абсолютно неуместные здесь, но всё же украшавшие его лицо.

– Если вы беспокоитесь из-за того, что случилось в аэропорту, то не стоит. У нас всё под контролем.

Кирстин непонимающе смотрела на него. Она успела уже основательно подзабыть аэропорт. Нападение стало для неё лишь подтверждением собственных мыслей о том, что она живёт на краю. Работа Рея была не просто аморальна, она была опасна – для самого Рея и для любого, кто находится рядом с ним. Шрамы, украсившие оба их лица, подтверждали это лучше, чем что-либо ещё.

Кривая, незнакомая ей самой улыбка исказила губы Кирстин.

– Это ваш единственный приказ? – спросила она.

Она испытующе смотрела на охранника. Кирстин сама не знала, хотела бы она сбежать или нет. Однако эта мысль посещала её уже не раз. Квартира Рея, её устройство и быт – куда более демократичный, чем тот, что царил в особняках

Мерсера – давили на неё. Кирстин мучительно требовался глоток свежего воздуха, и время от времени, когда она просыпалась на рассвете и видела первые проблески дня в окне, за возможность вдохнуть полной грудью ещё раз Кирстин готова была умереть.

«Странно, – то и дело думала она. – Раньше, даже когда Рей не скрывал, что я ему принадлежу, это место не казалось мне тюрьмой». От этих мыслей, неизменно сопровождавшихся и мыслями о собственной глупости, Кирстин становилось ещё грустней.

Охранник какое-то время молчал.

– Если вас интересует, что я стану делать, если вы попробуете... уйти. То, во-первых – нам всем выдано распоряжение ни в коем случае не причинять вам вреда. Во-вторых... лично я вас не остановлю.

Кирстин вскинулась и, прищурившись, испытующе посмотрела на него.

– Лично вы?

– Да, я, – охранник отвернулся и тоже посмотрел на пруд, – мистер Мерсер состоятельный, но очень опасный человек. Мне кажется, вам не место рядом с ним.

Кирстин подняла бровь. Сама не зная почему, она ощутила нарастающую злость.

– Что вы знаете обо мне и о нём? – спросила она, резко поднимаясь со скамейки.

Охранник лишь грустно посмотрел на Кирстин в ответ.

– Знаю, что вы не подходите для него, – только и ответил он.

По спине у Кирстин пробежал холодок.

«Вот оно как», – подумала она. Кирстин вдруг стало смешно. «Вот чего ты добился, Рей», – думала она. «Твоя же чертова охрана сходит по мне с ума».

Смех отдавал горечью, потому что Кирстин никогда не претендовала на то, чтобы сводить кого бы то ни было с ума. Всех, кто интересовался ею там, в прошлой жизни, в университете Эдинбурга, притягивали, скорее, её свежесть и, как хотелось верить самой Кирстин – личность, которая таилась внутри.

Теперь она необыкновенно отчётливо осознала, что её тело – это больше не она. Оно стало таким, каким Рей вылепил его. Внезапным стало понимание того, что такой она и принимает себя, уже не рассчитывая когда-либо вернуться назад.

Они с Реем почти не виделись все последующие дни.

Кирстин ничего не знала о его делах – хотя, признаться честно, до коликов хотела знать.

Одна мысль о том, что Рей в это же время, пока она сама находится в студии Гравы, проворачивает очередную сделку, сводила с ума.

Сделок, однако, не было. Весь последний год делами Тодоса заведовал Майкл. Теперь же, когда тот исчез, Рей не спешил ничего менять – ни распускать центр, ни братья за следующий заказ. Он выжидал. Ясно было, что Майкл исчез ненадолго. Ясно было также и то, что партнёры не забудут о нём, даже если Рей внезапно и окончательно решит выйти из игры.

И день, когда о нём вспомнили, настал.

В двадцатых числах сентября Реймонд получил сообщение от контактного лица. С ним хотел встретиться человек из Латинской Америки.

К этому времени расследование по делу о нападении в аэропорту временно зашло в тупик. Круг подозреваемых был определён, но дальше дело пока не шло – те итальянцы, на которых вышли люди Йонаса, никоим образом не пересекались интересами с делами Рея. Они просто не могли быть ни конкурентами, ни желающими расширить свой бизнес за счет сфер влияния Мерсера – наркотой Рей не занимался. Йонас был согласен со своим шефом в том, что нужно копать дальше – и копал, но его потуги пока не приносили плодов.

Предложение о встрече изначально не сулило особых бед, и в то же время Рей понимал, что не может отказать – латиносы тяжело переносили отказ. Впрочем, как и любой его клиент.

Встреча была назначена на Тодосе. Погода здесь кардинально отличалась от зарядивших в Милане дождей – светило солнце, и кедры шумели непадающей листвой.

Едва приземлился самолёт, как Рей увидел мексиканца, ожидавшего его на посадочной площадке. Рею не понравилось, что тот прибыл раньше его, но поделаться ничего было уже нельзя.

– Вы опаздываете! – крикнул Диего, стараясь перекричать гул затихающих моторов. Он будто бы специально коверкал слова, демонстрируя своё нежелание разговаривать на английском языке. Испанский Рей знал не очень хорошо, потому выделываться не стал.

– У меня было много дел, – коротко бросил он всё на том же английском и протянул руку для рукопожатия.

Мексиканец был не старше, а может, и несколько моложе его. До сих пор Рей не видел его в лицо, но теперь понял, что это тот самый человек, который чуть больше года назад внёс одну из двух крупнейших ставок на аукционе, где продавали Кирстин.

Легко можно было догадаться и о том, какой его интересует товар.

Пожав друг другу руки, оба направились к корпусам, где их уже ожидал накрытый стол. Не обращая внимания на лёгкие закуски, Диего наполнил бокал вином. Рей отметил, как блеснул тяжёлый перстень на его пальце, когда мексиканец подносил бокал к губам.

Рей сделал то же и, откинувшись на спинку стула, принялся разглядывать гостя. Смуглая, как у всех уроженцев этого региона, кожа, была всё же немного светлей, чем можно было ожидать. «Метис», – подумал Рей про себя. Чёрные и густые, лоснящиеся волосы стянуты в маленький хвостик. Одна бровь чуть выше другой – как будто всё происходящее вызывало у мексиканца неудержимый смех. Маленькая серёжка в правом ухе и крестик в вырезе рубашки довершали

картину – Диего создавал впечатление человека, которому наплевать на всё.

В этой поездке его сопровождали пятеро крепких парней, и хотя угрозы здесь они представлять не могли, Рей отметил и количество оружия, которым они были увешаны, и неповторимый мексиканский стиль, которым дышало каждое лицо. Эти ребята тоже явно ничего не знали о европейских ценностях.

– Меня интересует одна девушка, – сказал Диего, снова заставляя Рея обратить на себя внимание, – я уже предлагал хорошую цену, но кто-то её перебил.

Диего пристально посмотрел на Рея, как будто что-то знал, но тот лишь спокойно кивнул.

– Она рекламировала старинную греческую амфору, кажется так.

– Как вы верно заметили, амфора уже ушла с молотка.

Улыбка заиграла на губах Диего, и он приподнял руку, будто пытался погрозить Рею пальцем.

– Ах, мистер Мерсер, нехорошо так вести дела. Я же знаю, кому она ушла. Это знают уже все.

– Правда?

– Да.

– Возможно, товар был испорчен. А мы не можем позволить себе продавать подпорченный товар.

– Ну, лично я взял бы и небольшой брак, – губы Диего расступились в широкой улыбке, и он продемонстрировал тридцать два белоснежных зуба, – я готов обговорить цену, мистер Мерсер. Но эта ваза мне очень нужна.

Рей погрузил взгляд в бокал белого вина и покрутил сосуд в руках.

– Здесь всё неоднозначно, мистер Коррес. Как я сказал, товар в процессе подготовки потерял в цене. Но в то же время я вложил свои личные силы, и теперь цена снова возросла.

– Я готов это обсудить, – Диего остановил на лице Реймонда пристальный взгляд.

– Но, боюсь, я – не готов.

– Мне очень нужен этот товар.

– А я просто не хочу его продавать.

Рей встал.

– Мне жаль, что вы впустую потратили время, мистер Коррес. Если бы ваш представитель заранее предупредил меня, о чём пойдёт речь, я бы передал свои извинения через него.

– Ничего, – голос Диего прозвенел в комнате за мгновение до того, как он остался в ней один, – я должен был заглянуть вам в глаза и сказать, чего хочу, прежде чем пойду другим путём.

Рей замер и, обернувшись через плечо, прищурился, так же пристально глядя на него.

– Не угрожайте мне. Я этого не люблю.

Едва добравшись до номера и всё ещё тяжело дыша, Рей набрал номер Йонаса.

– Диего Коррес, – бросил он, – проверь его.

Поездка в Неаполь прошла без особых приключений, но уже спустя несколько дней после неё Рей позвал Кирстин к себе. Лицо Мерсера было непроницаемым, так что Кирстин не могла понять, что тот чувствует и о чём собирается говорить.

Кирстин, едва войдя в кабинет, остановила на нём взгляд и невольно подумала, что Рей исхудал. Он выглядел непривычно бледным, хотя всегда хорошо загорал, а под глазами его залегли чёрные круги.

Ни тени жалости Кирстин не испытала. Напротив, клокотавшая в ней злость стала только сильнее. «Это всё, чем ты можешь расплатиться со мной?» – думала она и чувствовала, как неудовлетворенная обида болезненно тянет в груди.

А Рей долго смотрел на неё. Он пытался напиться Кирстин, как умирающий от жажды тщетно пытается напиться солёной морской водой. Кирстин казалась прозрачной, как призрак, истончившейся и почти невидимой в тусклом свете осеннего солнца, едва пробивавшегося сквозь пелену облаков.

Хотелось броситься к ней, обнять и расцеловать, но сделав мельчайший шаг вперёд Рей тут же чувствовал невидимую стену, разделившую комнату пополам.

– Йонас кое-что узнал, – сказал Рей.

– Я слушаю, – Кирстин замерла напротив него.

– Покушение в аэропорту скорее всего организовал племянник главы мексиканского наркокартеля, Диего Коррес. Сам он руководит одним из отделений картеля. Этот человек... – Рей прокашлялся, – этот человек, – продолжил он, – хотел тебя купить. Я думаю, его ставка была одной из двух самых больших.

Губы Кирстин дрогнули.

– Из двух? – спокойно переспросила она. – А чья ещё?

– Хусейн бин Заид. Хочешь спрятаться от меня у него?

– Не угрожай мне, Рей, – Кирстин стиснула кулаки, – если бы не ты, меня не хотел бы купить вообще никто.

Рей дёрнулся, но промолчал.

– Мне, наверное, нечем хвалиться, Кирстин, – после долгой паузы сказал он, – я действительно не сделал для тебя ничего, чтобы твоя жизнь стала лучше, чем была. Но я уже столько раз пожалел о том, что сделал, что мне кажется, ты могла бы проявить ко мне милосердие.

– Ну почему же ничего, – Кирстин плавно, как ласка, приблизилась к нему и заглянула в глаза, – ты подарил мне столько красивых вещей... Скажи, Рей, сколько девушек тебе пришлось продать, чтобы у нас с тобой было это всё?

– Кирстин! – рявкнул Рей. Не сдержавшись, схватил Кирстин за плечи и встряхнул.

– Я никогда не пойму этого, Рей, – выплюнула Кирстин ему в лицо.

– Ты тоже не святая!

– Нет. Но есть разумная мера вреда, который стоит того, чтобы его причинять. Можно ударить, когда хотят ударить тебя. Но нельзя продать человека в рабство просто потому, что захотел подарить любовнице серебряный браслет!

Рей с трудом удержался, чтобы не ударить её, а Кирстин развернулась и решительно двинулась прочь.

Рей остался в одиночестве, бессильно сжимая кулаки. Никогда ещё он не чувствовал себя таким беспомощным, как сейчас. Никому он не простил бы таких слов. Ни от кого не стал бы терпеть столь многого. Но Кирстин давно перестала быть частью мира, окружавшего его, и стала частью его самого. И теперь Рей мог лишь бессильно смотреть, как та уходит. Он знал немало способов убедить людей в своей правоте. Но не знал ни единого способа убедить себя самого.

Глава 3. Полусвет

5 октября

– Помните, вы как-то сказали мне, что не остановили бы меня, если бы я захотела сбежать?

Охранник медленно кивнул. Теперь Кирстин знала его имя – Кристер Блум.

Кирстин отвернулась и прошлась по скверу туда-сюда. Здесь, в Милане, всё так же накрапывал дождь. Когда Кирстин представляла себе Италию до этой поездки, этот край всегда казался ей солнечной страной, а теперь ей даже некого было спросить, бывает ли так всегда. Кирстин ни с кем не общалась в студии Гравы, даже с самим наставником предпочитала говорить только о камне.

Хотя работы её неизменно притягивали к себе взгляды, и если бы она оглянулась – то увидела бы, что не одна пара глаз обращена на её труд. В начале октября Кирстин даже получила первый, неловкий заказ: одна из девушек, занимавшаяся в студии по средам, как и она, просила её сделать каменный цветок, похожий на тот, что Кирстин вырезала в первые дни.

– Только не такой страшный, – просила она, – пусть в нём будет чуть больше нежности и чуть меньше тоски.

Кирстин кивнула. Вернувшись домой в тот же день она долго бессильно смотрела на срез камня. Мысли о нежности причиняли куда большую боль, чем тоска, к которой она уже привыкла. Они заставляли думать о том, чего Кирстин навсегда лишилась. И всё же, закрыв глаза и сделав над собой усилие, она взялась за цветок.

Кирстин не считала себя особенно общительной и до тех пор, пока всё это не началось, а теперь ей вовсе не хотелось кому-либо открываться. Она не боялась, скорее наоборот. При взгляде на любого, кто пытался проникнуть к ней в сердце, разум создавал холодную и простую модель, в которой этот человек был одним из тех, кого подослал Рей.

Кирстин сама удивлялась себе. Боль и страх, которые терзали её весь прошедший год, прошли. Лопнули как мыльный пузырь. Теперь разум был кристально чист – и в то же время она не верила никому, в каждом за милую отыскивая подвох.

Тянущее чувство одиночества терзало её, но стоило кому-то приблизиться на расстояние пары шагов, как сам собой включался защитный механизм. Вежливая и равнодушная маска нарастала на лицо. Кирстин не желала никого впускать в этот невидимый круг.

– А если бы я попросила вас помочь?

Кристер молчал так долго, что Кирстин успела пожалеть о том, что задала вопрос.

– Я бы помог, – наконец сказал он.

– Почему? – спросила Кирстин, взлетая со скамейки и стремительно приближаясь к нему. – Разве я первая или последняя, чью жизнь сломал Рей?

– Вы просто... – Кристер поднял руку и едва заметно провёл кончиками пальцев по щеке Кирстин, – просто другая, – закончил он.

Кирстин стояла, тяжело дыша. Ей было смешно. В свою исключительность она не верила ни на грош. Покрашенные по приказу Рея в более густой, медный цвет волосы давно уже начали отрастать, и каждое утро, глядя в зеркало, Кирстин думала о том, что стоит им отрасти, как она станет неинтересна никому из них – ни Рею, ни Кристеру, ни прочим охотникам на неё. Всё, что их так интересовало, было лишь обёрткой, которую придумал Рей.

Но насколько Кирстин понимала, что ничего исключительного в ней нет, настолько же понимала и то, что нужно пользоваться своими преимуществами пока они есть.

– Впрочем, – тут же устало осадил себя, – далеко я не уйду – даже если вы и ваши коллеги ненадолго обо мне забудете. Меня будет искать Мерсер. Меня будет искать Кагерт. И чёрт знает кто ещё. Если верить Рею, то даже мексиканская мафия будет меня искать. С ума сойти... – Кирстин стиснула виски, будто надеялась раздавить собственную голову и тем прервать этот идиотский бесконечный сон. – Я хочу домой, – прошептала она.

Говоря это, она представляла себе кампус Эдинбургского университета и маленькую комнатку со старым шкафом, в котором помещалось не больше пяти вещей. Но тут же услышала в ответ:

– Пойдёмте, мис.

Кристер подал ей руку, и они проследовали к мерседесу, стоящему у входа в парк. Бронированный салон обитый мягкими панелями тоже казался тюрьмой – как и всё кругом. Кирстин априори была уверена в том, что здесь стоят жучки, так же как камеры стоят в комнате, где она спит.

Она с удивлением понимала, что это существование под вечным прицелом объективов её не пугает. Тело её видели уже все, кто этого хотел. Но никто не мог рассмотреть того, что находится внутри.

И Кирстин было смешно от их глупости. Она ненавидела их всех. Реймонда, игравшего в футбол её головой. Майкла, который ко всем людям – и в том числе к ней – относился как к дерьму. Йонаса, который так здорово притворялся, что защищает её. Теперь все их взаимные просьбы Кирстин воспринимала в другом ключе.

И этого глупого шведа, который, похоже, запал на неё, Кирстин тоже ненавидела. Просто за то, что он был одним из них. Он не стоил того, чтобы о нём жалеть. Но Кирстин всё равно пока что не знала, как с выгодой для себя им воспользоваться.

Кирстин была немало удивлена, когда, несмотря на все сложности, в середине октября ей пришло официальное приглашение от Рея посетить вместе ежегодную отчётную встречу в яхт-клубе.

Впрочем, она не могла избавиться от ощущения, что выбора у неё нет. О чём бы ни думал Рей, когда отправлял через Жанет письмо, формулировки не подразумевали возможности отказать.

Кирстин неторопливо написала и отправила соответствующий ответ, в котором говорила о том, что ей придётся существенно поступиться собственными

планами, но, выполняя желание своего спонсора, она готова отодвинуть самые неотложные дела.

Кирстин с наслаждением представляла себе, как Рей в ярости комкает этот листок, и не обманулась – тот запустил комок в стену, едва успев дочитать.

Они не разговаривали и не виделись до самого вылета.

Кирстин подготовилась к предстоящему перелёту настолько хорошо, насколько могла – выбрала комплект одежды, как нельзя лучше подчёркивавший внешность и в то же время демонстрировавшие её статус. Она помнила слова Рея – «ты не такая, как они» – и уж точно не хотела возвращаться к статусу одной из тех, кого приводили в клуб.

Теперь, когда отношения с Реем стремительно сходили на нет, превращаясь в ад, её спасительной соломинкой стал договор. Кирстин отнесла в юридическую контору свой экземпляр и предупредила Йонаса, что в случае, если с её жизнью или здоровьем что-нибудь случится, те запустят судебный процесс. Йонас ответил ей насмешливой улыбкой и холодным блеском голубых глаз, но спорить не стал. Кирстин не знала, удалось ли его напугать, но отдавал себе отчёт в том, что сделала всё, что могла.

Страха не было. Она умерла давным-давно, в подземной тюрьме. И Рей не мог убить её ещё раз.

Теперь Кирстин стояла в обтягивающих джинсах и лёгкой кожаной куртке, трепетавшей на ветру, и сквозь коричневые очки в пол-лица разглядывала Рея, который приближался к ней – Кирстин сказала, что перед вылетом ей нужно забрать вещи из студии специально, чтобы не ехать с ним вместе.

На Рее был обычный дневной чёрный костюм. Рубашка, не скованная галстуком, позволяла разглядеть ключицы и маленький кусочек груди. Кирстин невольно сосредоточила на этом месте взгляд, ощущая, как эта мизерная картинка отзывается жаром внизу живота. Рей всё так же сводил её с ума. Но это ничего не могло поменять.

Реймонд остановился, разглядывая Кирстин с расстояния в пару шагов – куда ближе, чем та подпустила бы кого-то ещё. И от этой близости напряжение в

животе у Кирстин становилось ещё сильнее. Она ненавидела себя при мысли о том, что именно этому человеку, которого должна ненавидеть больше всех, она по-прежнему продолжает доверять. Всё так же хочет раскрыться перед ним.

- Чем больше я смотрю на тебя, - тем временем произнёс Рей, - чем лучше тебя узнаю... Тем больше тобой восхищаюсь. И тем сильнее люблю.

По телу Кирстин пробежала дрожь. Она с трудом подавила желания, разрывавшие её на части - броситься к Рею или броситься прочь.

- Идём, - просто сказала она и первой двинулась к джету, на каждом шагу ощущая взгляд Рея у себя между лопаток, затем на пояснице - и, наконец, пониже спины.

Оказавшись в салоне, Кирстин замерла и, стиснув зубы, с минуту смотрела на круглую кровать в хвосте самолета, вспоминая их прошлый совместный полёт.

«Сколько человек побывало в ней?» - хотела она спросить тогда. Но промолчала, не желая услышать ложь.

Они продержались в тот раз не более трёх минут - пока самолёт не набрал высоту. А затем синхронно потянулись друг к другу. Рей толкнул её к кровати, роняя спиной на простыни, и принялся раздевать - медленно и в то же время торопливо, чёткими и резкими движениями срывая и сбрасывая на пол каждый предмет.

Его собственный торс быстро оказался обнажен, и Кирстин, лёжа на кровати под ним, гладила его руками, иногда касаясь сосков. Закусывала губу от наслаждения, не в состоянии поверить, что этот мужчина принадлежит ей.

Реймонд, освободившись от брюк, рывком развёл её ноги в стороны и вошёл.

Кирстин стонала и задыхалась под ним, и выгибалась, силясь прижаться сильнее. Царапала ногтями спину, стараясь плотнее втиснуть Реймонда в себя, и сжимала бёдрами его бока.

– Как тогда, в первый раз.

– Что? – услышала она растерянный голос за спиной и теперь только поняла, что говорила вслух.

– Ничего, – Кирстин, не оглядываясь, прошла к диванчикам, расположившимся у окна по обе стороны от кофейного столика, и, забравшись на один из них с ногами, вставила в уши наушники.

Реймонд стоял, спрятав руки в карманы, и смотрел, как она включает музыку. Как заливают серебристые лучи солнца огненные пряди волос и бледную кожу на висках. Как Кирстин жмурится, силясь спрятаться от этих лучей.

Боль от понимания того, что нельзя к ней прикоснуться, была настолько острой, что хотелось застонать в голос. Но Рей лишь стиснул зубы, сел на другой диван и, открыв папку с документами, попытался вчитаться в них.

Яхт-клуб был последним местом, куда Кирстин хотела бы пойти вместе с Реем – но именно это и сыграло решающую роль. Кирстин чувствовала, что просто обязана встретиться с Реем и высказать ему всё. Однако вплоть до самого прилёта Кирстин не могла подобрать подходящих слов.

– Я не совсем понимаю, Рей, что здесь делаю я, – сказала Кирстин, когда они уже покинули аэропорт, заехали в отель, чтобы переодеться и привести себя в порядок с дороги, и теперь снова оказались на улице плечом к плечу. Стоя рядом и не глядя друг на друга, Рей – в белом щёгольском костюме, а Кирстин – в длинном чёрном платье, они готовились сесть в лимузин, специально для этого вечера взятый напрокат.

Рей поджал губы и долго не отвечал. Потом прошёл вперёд, открывая перед Кирстин дверь. Та колебалась с полминуты, но и сама уже поняла, что не может не сесть – не потому что кто-то будет её заставлять, а потому, что это нужно ей. Потому что там, в машине, будет Рей. И потому что Рей просит её.

– Мне хотелось бы, – как мог спокойно произнёс он, когда оба уже оказались внутри, и Кирстин, старательно скрывая любопытство, оглядывалась по

сторонам, изучая салон нового авто. Рей ожидал вопроса об этой машине, надеялся на него, но Кирстин явно не собиралась ни о чём спрашивать, – чтобы все увидели, что у нас всё хорошо. Вопрос прежде всего в том, чтобы это увидели Кагерт и Коррес. Мы не должны показывать страх.

Рей знал, что врёт. Кагерт и Коррес были поводом. Ему больше всего хотелось почувствовать Кирстин рядом с собой. Стиснуть её ладонь. Хоть как-то показать свою любовь.

Рей понимал, что любые подарки будут бесполезны, Кирстин никогда не интересовали ни драгоценности, ни одежда, ни даже автомобили. Всё, что Рей мог ей дать – это глина и место, чтобы лепить. И это он уже дал. Теперь Кирстин имела все возможности пребывать внутри себя, купаясь в собственной тоске. И Рей не имел ни малейшего шанса вытащить её из этого горького океана – тем более что прекрасно знал, что сам подтолкнул её туда.

Кирстин отвернулась и прислонилась лбом к стеклу. Рей, внимательно наблюдавший за ней, не мог не отметить, насколько она хороша в новом платье, с бриллиантовым ожерельем, подаренным ей Реем специально для этого случая, на шее.

Кирстин тоже отметила, насколько отточенной, острой, как клинок из чёрной стали, и блестящей, как бриллиант в оправе из платины, выглядит фигура Рея в новом костюме. Глаза, несмотря на вечерний сумрак, скрывали тёмные очки – и потому Кирстин не могла увидеть одиночества, затаившегося в них.

– Продемонстрировать трофей, – констатировала она, отворачиваясь к окну.

Рей снова дёрнулся, но Кирстин на него не смотрела.

– Зачем ты со мной так? – тихо спросил Рей.

– А зачем ты так со мной? – Кирстин резко повернулась и в упор посмотрела на него. – Я хоть раз тебе в чём-то отказала, Рей?

Она помолчала, а затем продолжила:

– Впрочем, с моей стороны это глупый вопрос. Я ведь нужна была не для того, чтобы давать что-то лично тебе. Тебе нужна была кукла, которую ты смог бы продать. Девушка для секса, которая никогда никому не отказала бы. Я так хотела быть только с тобой, Рей... даже тогда, когда ты снимал на камеру, как трахал меня. Даже тогда.

– Я никогда, – процедил Рей сквозь зубы, – никогда, Кирстин, не причинял тебе целенаправленную боль.

Кирстин пожала плечами и снова отвернулась к окну, а через минуту за окнами показалось украшенное колоннами здание знакомого особняка. Лимузин замедлил ход, въезжая через витые чугунные ворота в парк, и остановился у дверей.

Рей вышел первым, обошёл машину и открыл перед Кирстин дверь. На мгновение их руки соприкоснулись, а взгляды пересеклись, и Рея пробил ток. Он не мог отвести глаз. Кирстин тоже смотрела на него. И всё же первой справилась с собой. Отвернулся, защищаясь от Реймонда плечом, и двинулась ко входу в дом.

Глава 4. Окно в прошлое

14 октября

Вечер, казалось, тянулся бесконечно долго. Рей опасался и на шаг отпустить Кирстин от себя. Сердце начинало гулко биться в груди, стоило только от неё отвернуться. Было страшно до коллик, что что-нибудь произойдёт.

Рей соврал – вернее, как любил делать, сказал не всё. Он не стал уточнять, что сейчас, после всего, что произошло между ними, не хочет появляться здесь один. Боится, что не вынесет этих хлещущих со всех сторон волн вожделения – которые создал сам.

То и дело он оглядывался на девушку, идущую с ним плечом к плечу. за последний год Кирстин изменилась. Выкрашенные на Тодосе волосы отросли, но

она не стала возвращать им изначальный цвет или отстригать. Напротив, сейчас они оказались собраны в в высокий хвост, и Кирстин то и дело проводила пальцами по непривычно гладким вискам. В эти мгновения Рей видел тонкую руку совсем близко от своего лица и сходил с ума от желания прикоснуться к ней губами – но сдерживал себя.

Кирстин не соприкасалась с ним ни рукой, ни локтем, ни плечом. В первый раз они выходили куда-то вместе вот так – чужие друг другу, а не слитые в одно. И, тем не менее, Рей чувствовал, что Кирстин здесь, рядом с ним, и от этого становилось немного спокойней.

Рука так и тянулась стиснуть её ладонь.

А потом Рей замер, увидев пару идущую им навстречу – Уильям Сторрен, старый партнёр Рея из Вашингтона, и рядом с ним одна из двоих близняшек – Ханна Клерссен.

Лицо Ханны пересекал уродливый шрам, тянувшийся от виска до подбородка, и можно было не сомневаться в том, что модельной карьеры ей больше не видать.

Сенатор коротко поздоровался с Реем и не преминул бросить любопытный взгляд на Кирстин, стоявшую с ним рядом.

– Говорят, вы своей протееже сделали операцию, а мой хирург подвёл.

– Простите? – сам не узнавая свой голос, произнёс Рей. Ханна смотрела на него в упор, и во взгляде её смешивались ненависть и мольба.

– Вторая. С этой я рисковать не стал. Придумали один аттракцион... Не хочется рассказывать здесь. Одним словом, девушки обзавелись шрамами. Через некоторое время я попытался исправить лицо беленькой... но у неё вся кожа сползла.

– И где она теперь? – сухо спросил Рей.

– Покончила с собой. Такая беда... но к вам никаких претензий нет, в момент покупки товар был хорош.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/veter_morveyn/tango-alogo-motyl-ka-tom-3

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)